

Спасибо вам, люди!

Для тех, кто хорошо знает Таисию Ивановну, вовсе не удивительно, что она, член партии с девятнадцати лет, делегат исторического съезда, ныне живёт молитвами и чтением священных писаний. Не важно, как называться, — важно, что в душе. А она всегда исполняла главную христианскую заповедь — помогала ближним своим и словом, и делом.

Могла бы тоже получить образование, как сестра — учительница, или брат, окончивший военную академию. Ни умом, ни талантом Бог из обидел. Но, как и многие переславцы, Таисия Ивановна связала в сорок первом свою судьбу с первенцем советской киноплёнки — фабрикой № 5. Здесь платили деньги и давали 800 грамм хлеба, что для семьи, в которой десять детей, было совсем не лишним.

После окончания ФЗУ попала на самый тяжёлый и ответственный участок — в цех синтеза эмульсии. Работали по двенадцать часов, без отпусков, а то и без выходных. Труд поистине адский, целую смену — босиком или в резиновых сапожищах сорок пятого размера. В огромных чанах размешивали лопатами, словно вёслами, растворы, а после эти 200 килограмм тащили на животе. «И так — каждый день, — говорит Т. И. Истомина, — сейчас иной раз приснится, аж страшно становится, а тогда были счастливы, верили в скорые лучшие времена».

С приходом Кирилла Родионовича Лещенко многое изменилось. Труд эмульсионеров был значительно облегчён. Без остановки цеха дозировку со второго этажа перенесли на третий, установили подъёмник, сделали виадук. В промывке, куда Таисия Ивановна перешла впоследствии, были поставлены механические мешалки. Насыщение аммиака стало производиться также на третьем этаже...

— Коллектив у нас был молодой, сплочённый. Понимали, что именно в нашем третьем цехе закладываются фотографические данные (а выпускали тогда не один десяток сортов эмульсии), все относились к делу добросовестно. Цех в то время возглавлял Иосиф Владимирович Живаев, очень чуткий и отзывчивый человек. Когда я тяжело заболела тифом, он навещал меня и помог нашей семье с питанием. Душой коллектива был и Евсей Эммануилович Барер.

Вместе со всеми Таисия Ивановна ездила на заготовку топлива для фабрики, в числе первых отправлялась на сельхозработы, побывала на трудовом фронте под Ростовом, когда враг продвигался к Москве.

Вечная активистка. Секретарь комсомольской организации цеха, редактор стенгазеты, председатель цехкома, глава фабкома, 12 лет была депутатом городского Совета, в том числе 8 лет — членом исполнительного комитета. Но больше всего ей запомнилось то время, когда она была председателем наблюдательной комиссии.

— Очень ответственная должность. Приходилось решать судьбы людей, помогать с пропиской, жильём, устраивать на работу. В основном это касалось заключённых, в колонии тогда насчитывалось более двух тысяч человек. Мы понимали, что они несут заслуженное наказание, но чисто по-человечески жалели. Уж такие они были обездоленные и бесправные. Первое время их даже на работу под конвоем водили, в наручниках, с овчарками. А ведь эти люди практически весь город построили. И химзавод, и жильё — всё, в основном, дело их рук. Однажды «зэки» забастовали, и через неделю вопрос был решён — на объекты их стали возить на машинах.

В комиссии у нас было одиннадцать человек. Люди ответственные, умудрённые жизненным опытом. Это, например, Алевтина Сергеевна Грошева, Валентина Григорьевна Лакеева и другие. Мы собирались несколько раз в месяц, обсуждали вопросы, часто ходатайствовали по поводу амнистий, предварительно изучив все документы. За нами же осуществлялся прокурорский

надзор, проверяли и областные органы правосудия — за всё время не припомню ни одного нарекания в наш адрес. Переславцев, выпущенных на свободу, не забывали: следили за их дальнейшей жизнью, если требовалось, ходили по домам, беседовали. На производстве к нашим общественным поручениям относились с пониманием, всегда отпускали беспрекословно. Впрочем, мы успевали добросовестно выполнять и свою основную работу. (Лишь однажды, вспомнила Таисия Ивановна, был у неё небольшой конфликт с директором Лисицыным — не давал добро на поездку в Ярославль по поводу амнистий. И сказал, что директору надо подчиняться беспрекословно. Но она ему вот что ответила: «Директора приходят и уходят, а рабочий класс всегда остаётся». И правда, сколько за то время начальства сменилось, а простые работяги по сорок с лишним лет отдали «Славичу», многие и до сей поры не прерывают с ним связь. Надо отдать должное директору — Лисицын потом за этот инцидент перед ней извинился.)

В октябре 1961-го Таисию Ивановну Истомину избрали делегатом XXII съезда, на котором Никита Сергеевич Хрущёв разоблачил культ личности и была принята III программа партии — построение коммунизма в нашей стране.

— Собирались мы тогда в Ярославле, — рассказывает Таисия Ивановна, — оттуда электричкой в Москву, в гостиницу «Ленинградская». Эти две недели были очень насыщенными. Съезд проходил в Кремлевском Дворце, с 10 до 18 часов, а перед заседаниями нас часто собирал первый секретарь Ярославского обкома Фёдор Иванович Лощенков. У меня ещё было поручение от Алексея Николаевича Кузьменкова обратиться в Госплан и Министерство культуры по поводу строительства нового химзавода. К министру культуры Фурцевой я не попала — как раз после съезда она перерезала себе вены, а в Госплан ходила не напрасно — заявка была принята к сведению.

Очень тяжёлый был съезд. Пришлось выслушать много выступлений о незаконных репрессиях. Только и звучало: «Из нашей партийной организации уничтожено 350 человек», «из нашей — 500, самых лучших, самых достойных», — аж мурашки по коже.

Здесь я встретила с космонавтами Ю. А. Гагариным, Г. С. Титовым, лётчиком А. В. Маресьевым, многими ударниками коммунистического труда. А после рассказывала об этом съезде в трудовых коллективах города и района, на совещаниях и конференциях.

...Дальше, как обычно, появился альбом с семейными фотографиями. Детство, юность, родные и знакомые, но больше всего — «боевых» подруг. Нет-нет да и накатятся слёзы на глаза: «Этой уже нет в живых, и этой... Жизнь прошла как одно мгновение».

Дедушка у Таисии Ивановны — из духовной среды, живописец, им расписаны многие церкви в Москве, Иванове, Владимире. Поэтому совсем не удивительно, что она всегда считала себя человеком верующим. «Бог всё время мне помогает, и раньше, бывало, благословишься и пойдёшь на работу — и правда, как-то легче дело спорится. Сколько операций перенесла, и всё цела-невредима, даже врачи удивлялись. А со мной всегда „Живые помощи“ и крестик. И молитва в душе.¹

Есть у неё иконки, потрёпанная Библия на старославянском. Когда силы позволяют — ходит в Храм Божий, неможется — дома помолится. И полегчает.

Но, конечно, было бы всё равно тяжело одной (супруг уж 15 лет как умер), если бы не помощь людей, которые, по убеждению Таисии Ивановны, живут по принципу «положи жизнь за други своя», помоги ближнему своему. Это и фронтовой друг мужа — комбат Павел Корнеевич, который до сих пор пишет ей письма, и сестра Валя, единственная из их некогда большой и дружной семьи живущая в Переславле, и подруги Мария Васильевна Гаврилова, Елена Александровна Градина (из совета ветеранов «Славича»), и работники центра социального обслуживания «Надежда», особенно заведующая отделением Нина Александровна Клекова. «Она и в гости ко мне частенько навещается, пироги испечёт, если не сама, так мальчишек своих обязательно ко мне отправит, водичку из источника Никиты Столпника принесёт, инвалидность вот выхлопотала... В больницу попала, так меня постоянно там кто-нибудь навещал, соседи за квартирой приглядывали, цветочки поливали. и очень благодарна за всё хорошее врачу из отделения кардиологии Александру Валентиновичу Дурынину, а также медикам со „Славича“ Ирине Ивановне Рубцовой, Ларисе Васильевне Вдовченко и Джирен Альбертовне Поляковской — после выписки из стационара они навещали меня почти каждый

¹ Живые помощи — это безграмотное народное название 90 псалма, который начинается словами «Живый в помощи Вышняго, в крове Бога небеснаго водворится». — *Ред.*

день. Замечательные люди живут в нашем подъезде — Анатолий Григорьевич Чайко и его жена Людмила Афанасьевна. Анатолий Григорьевич осенью всех нас, бабулек, снабдил капустой со своего участка, причём сам разнёс её всем по квартирам. А Людмила Афанасьевна, пока я более-менее не окрепла после больницы, заботилась обо мне, варила еду и кормила.

Поддерживали меня и Эмма Алексеевна Тихонова, и Зинаида Петровна Кузнецова, и Клавдия Васильевна Кузина, и Мария Дмитриевна Фадеева, и Евдокия Васильевна Силина, и Людмила Николаевна Фомичева, и многие-многие другие. Кто — добрым делом, кто улыбкой, кто словом приветливым, кто молитвой (когда лежала ни в живых ни в мёртвых, верующие молились за здравие болящей Таисии). Без такой человеческой теплоты я бы не выжила.